

Лукьяненко Антон Александрович

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СВОБОДЫ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена определению специфики репрезентации феномена свободы в сознании субъекта при его взаимодействии с предметами виртуальной реальности. На основании феноменологического исследования автор утверждает, что наиболее существенной характеристикой репрезентации феномена свободы в сознании человека, при взаимодействии с виртуальной реальностью, является интенция к превосходству не только над естественнонаучными и духовными законами, но, в первую очередь, над принципами категориального мышления. То есть человек при взаимодействии с виртуальной реальностью представляет свободу в качестве ценностной установки, выражающей стремление к превосходству над существующим социальным логосом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 124-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Ритм и культура танца:** сб. статей З. Пуниной и Ю. Харламова, Н. Фореггера, Коллектива Гептахора, Т. Глебовой и З. Вербовой / пред. А. А. Гвоздева. Л.: Academia, 1926. 79 с.
6. **Сидоров А. А.** Современный танец. М.: Первина, 1922. 63 с.

PROBLEM OF DANCE ARTISTIC EXPRESSIVENESS IN CONCEPTIONS OF THE 20S OF THE XX CENTURY

Loginova Marina Vasil'evna, Doctor in Philosophy, Professor
Kondratenko Yurii Alekseevich, Doctor in Art Criticism, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University in Saransk
marina919@mail.ru; yurkondr@gmail.com

The article provides an analysis of domestic art conceptions of the beginning of the XX century regarding the problem of dance expressiveness. New principles of human corporality and plastique are justified. Post-revolutionary conceptions emphasize dialectic relation between body mechanics and its artistic expressiveness; researchers of this period identify two aspects of studying corporality (sociological and artistic ones) and establish requirements for expressive motion (meaningful and formal). The authors emphasize importance of conceptions of the beginning of the XX century for further development of the modern dance expressiveness theory.

Key words and phrases: dance; artistic expressiveness; plastique; corporality; body mechanics; expressive form.

УДК 1:316-021.131

Философские науки

Статья посвящена определению специфики репрезентации феномена свободы в сознании субъекта при его взаимодействии с предметами виртуальной реальности. На основании феноменологического исследования автор утверждает, что наиболее существенной характеристикой репрезентации феномена свободы в сознании человека, при взаимодействии с виртуальной реальностью, является интенция к превосходству не только над естественнонаучными и духовными законами, но, в первую очередь, над принципами категориального мышления. То есть человек при взаимодействии с виртуальной реальностью представляет свободу в качестве ценностной установки, выражающей стремление к превосходству над существующим социальным логосом.

Ключевые слова и фразы: виртуальная реальность; категория; превосходство; свобода; феномен.

Лукьяненко Антон Александрович, к. филос. н.
Тюменский индустриальный университет
anton_lukyanenko@bk.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СВОБОДЫ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Введение. Что такое свобода? Ответов на этот вопрос существует предостаточно. Некоторые философы утверждают, что только в творческом порыве человек способен ощутить касание высшей божественной свободы (Н. Бердяев) [4, с. 368]. Другие полагают, что соблюдение моральных норм исключительно из чувства долга есть истинно свободный поступок (И. Кант) [12, с. 35]. Часто свободу рассматривают в качестве всего лишь иллюзии разума, возникающей от незнания всех причин свершающихся событий. Например, по мнению некоторых сторонников данной позиции, человек думает, что поступает свободно, в то время как его толкают к определенному поступку обстоятельства, складывающиеся из бесконечного количества причин (Б. Спиноза) [26, с. 53]. Распространена позиция, что через свободу человек по-настоящему становится человеком, выбирая жизненные цели и смысл своего бытия, то есть свобода есть выбор жизненного пути человеком (Ж.-П. Сартр) [25, с. 445]. Мы перечислили лишь некоторые из философских интерпретаций феномена свободы, но и их достаточно, чтобы увидеть всю неоднозначность понимания этого феномена. Каждая из существующих концепций подкреплена весомыми аргументами, и, не утруждая себя размышлениями, философ может выбрать любую из них, ибо обоснование каждой вполне равнозначно. Может показаться, что единого феномена свободы вовсе не существует, а этим термином называют совершенно разные явления социальной и духовной жизни человека. Возможно, так оно и есть. Однако, наравне с гуманизмом, правами человека, демократией, свобода в современном цивилизованном обществе является ключевой ценностью, ориентиром жизненных устремлений большинства людей. Поэтому исследование данного феномена является важнейшей задачей философии и науки. Мы предположим, что многообразие способов определения свободы происходит из того, что в каждой отдельной ситуации, в разных условиях или в различных системах психических и социальных отношений свобода приобретает свои специфические черты.

На современном этапе развития цивилизации происходит становление новой формы бытия человека, названной виртуальной реальностью. В связи с этим становится особенно актуальным исследование тех трансформаций, которые претерпевают фундаментальные человеческие ценности, в том числе и свобода, под воздействием новых условий жизни. Мы предлагаем рассмотреть специфические черты феномена свободы в пространстве виртуальной реальности. Наиболее подходящим методом для достижения этой цели мы находим онто-историческую феноменологию, позволяющую раскрыть исторический генезис бытия феномена виртуальной свободы.

Цель исследования: определить специфические черты репрезентации феномена свободы в сознании субъекта при взаимодействии с виртуальными предметами, что делает возможным оценить некоторые трансформации социальных ценностей человека в условиях распространения виртуальной реальности в современном обществе.

Феноменология виртуальной среды. Для того чтобы выявить специфические черты феномена свободы в виртуальной среде, необходимо определить, что собой представляет феномен виртуальности.

Что есть виртуальная реальность? Этот вопрос вызывает значительное затруднение, как у обывателей, так и у философов. Это связано с исторической молодостью проблемы идентификации виртуальных феноменов; отсутствует единое мнение по поводу того, когда вообще человек впервые столкнулся с виртуальностью. Время возникновения виртуальных феноменов, по данным различных исследований, исчисляется от периода зарождения человеческой психики до момента создания первого компьютера.

В философии распространена позиция, согласно которой отправным моментом возникновения виртуальной реальности является зарождение способности психики человека генерировать так называемые субституирующие объекты. Субституирующие объекты есть воображаемые объекты, обладающие качествами реальных, существование которых рассматривается человеческой психикой как потенциально возможное (А. Мейнонг) [33, р. 304]. Например, такой предмет как «золотая гора» сложен из качеств двух реальных объектов, таких как гора и золото, хотя и не существует в реальности, но все же потенциально возможен [9, с. 265]. Схожей позиции придерживается в своей теории симулякров Ж. Бодрийяр. Он утверждает, что с течением времени социально-психологическое пространство современной цивилизации все более насыщается симулятивными формами существования. Симулякр – это копия без оригинала. По своим характеристикам симулякр схож с субституирующими объектами, но имеет свою собственную репрезентативную силу, то есть свою собственную природу, независимую от психики. Примером симулякра может служить фотография, которая после редактирования специальными программами утрачивает свою связь с оригиналом. То есть отредактированная фотография превращается в симулякр в тот момент, когда субъект становится безразличен к вопросу реальности того, что на ней изображено, для него не имеет значения, что это не оригинал, а видоизмененная копия [5, с. 208]. Однако в концепции Ж. Бодрийяра под этим понятием подразумевается значительно более широкий класс процессов, связанных не только с виртуальной реальностью, но и с политикой, искусством, межличностными отношениями и т.д., и отражающих тенденцию к росту симулятивных форм поведения человека в современном обществе постмодерна.

Рассматривая психологический аспект виртуальной реальности, можно обратиться к разработкам Н. А. Носова. Под виртуальной реальностью он понимает некоторую способность психики человека утверждать воображаемые миры в качестве реальных и дополнять ими воспринимаемую действительность [20, с. 148]. В своей работе «Виртуальная психология» Н. А. Носов рассматривает виртуальность в качестве неотъемлемой составляющей психики человека. Психологический подход демонстрирует одну из фундаментальных проблем идентификации виртуального феномена, проблему разграничения его субъект-объектного статуса. Любой предмет реальности предстает исключительно в форме феномена, отраженного в психике человека, на его представление неизбежно влияют ее формы и закономерности, поэтому крайне проблематично четко разграничить психический субъективный образ виртуального предмета и его объективные характеристики.

Многие исследователи пытаются решить проблему поиска субъективных (психических) и объективных особенностей виртуальной реальности в социокультурном пространстве (Е. В. Батаева, Н. В. Клюшина, И. А. Муратова, С. А. Решенин, Т. Д. Стерледева, Н. О. Хазиева и др.) [3, с. 50; 17, с. 103; 23, с. 244; 27, с. 183; 28, с. 169]. Например, Р. В. Леушкин считает, что «современное понимание виртуального объекта выделяет такую его характеристику, как неполнота существования. В этом коренное отличие виртуального объекта от реального, который является информационно, логически, опытно полным» [14, с. 1558]. Но возникает вопрос: что понимать под неполнотой существования? В какой степени и в каком качестве объект должен быть неполным, чтобы считаться виртуальным? Автор с помощью конструктивистского и математического подходов предлагает отнести к виртуальным те объекты, которые равновероятно существуют и не существуют.

Таким образом, степень неполноты в предлагаемом Р. В. Леушкиным методе определяется исключительно математически.

Но если вернуться к психологическому подходу, то воображаемый предмет признается существующим в той или иной форме. Для психики субъекта любой воображаемый или представляемый им объект наделен всей полнотой существования.

Трудность демаркации виртуальной реальности не вызывает сомнения. Некоторые исследователи вообще отказываются от поиска четких границ между реальным и виртуальным мирами. Так, В. Д. Воробьев и А. А. Сироткина просто констатируют, что «...мы существуем не столько в мире реальной действительности, сколько в мире ментальных конструктов, то есть собственных умственных построений, подменяющих или, скорее всего, уже подменивших собою действительность» [7, с. 95]. Из этого можно заключить, что до сих пор не определены четкие критерии, позволяющие идентифицировать виртуальную реальность и отличить ее от прочих форм бытия. В этой ситуации становится затруднительным выявить специфические смысловые характеристики, которые приобретает для человека феномен свободы при вступлении в отношение с виртуальной реальностью.

Эти затруднения, на наш взгляд, связаны с тем, что исследованию подвергаются не собственные сущностные признаки виртуальности, а особенности, отличающие ее от реальности. Поэтому такое словосочетание как виртуальная реальность часто может носить противоречивый смысл. В новейшей философской энциклопедии определено, что «виртуальность (от лат. *virtualis* – возможный) – объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях» [19, с. 740]. То есть основное качество

виртуальности – это потенциальность существования, в то время как реальным может быть названо то, что существует актуально. Следовательно, под виртуальной реальностью может быть понято такое сущее, которое существует одновременно и потенциально, и актуально. На наш взгляд, попытки найти отличительные, а не сущностные особенности виртуальности и приводят к сложности в понимании этого феномена.

Мы полагаем, виртуальная реальность является одной из форм реальности, которая приобрела с помощью технических средств самостоятельное бытие, воплощенное в предметной форме. Виртуальная реальность представляет собой среду, состоящую из виртуальных предметов, обладающих особыми качествами, отличающимися их от предметов реальности.

Предмет в качестве феномена возникает в результате процесса опредмечивания, то есть передачи некоторой вещи способностей и качеств, благодаря которым она становится частью социально-культурного бытия человека. При этом предмет, приобретая устойчивые качества, сам начинает влиять на поведение человека, то есть каждый конкретный предмет при взаимодействии с ним требует определенного обращения, в противном случае это взаимодействие не может возникнуть. Окружающие предметы требуют от человека определенных навыков, влияя тем самым на его поведение. То есть человек, своей деятельностью изменяя окружающие его вещи, изменяет самого себя, в результате чего возникает система отношений человек-предмет-человек. Так, каждый предмет привносит и свой специфический смысл свободы. Например, если человек взаимодействует с таким предметом как автомобиль, то в рамках этого взаимодействия свобода приобретает дополнительный смысл и понимается в качестве свободы передвижения. Такой специфический смысл свободы обусловлен предназначением конкретного предмета.

Несомненно, что виртуальная реальность является частью технологического прогресса. Но она также предполагает особые специфические формы взаимодействия с человеком, при этом принципы и законы, по которым виртуальная реальность функционирует, отличаются от тех принципов и законов, по которым функционируют технические средства, создающие ее.

Поэтому рассмотрение ее в качестве уникальной предметной среды, взаимодействующей с человеком, позволит выявить новые смыслы, порождаемые этим взаимодействием. Смысловое ядро феномена свободы станет доступным для исследования только после того, как будет определено специфическое предназначение класса виртуальных предметов в целом, для чего эти предметы существуют.

Более того, хотя виртуальный предмет функционирует по своим принципам и законам, мы утверждаем, что он представляет собой новый, возникший естественным эволюционным путем класс предметов техники, результат специфического, зародившегося в рамках европейской культуры технического мышления. Поэтому постижение специфического смысла свободы, который она приобретает в виртуальной реальности, необходимо начать с рассмотрения более общей специфики этого феномена в рамках взаимодействия с предметами техники вообще.

Феноменология свободы в техническом мышлении. Рассмотрим природу технического феномена. Развитие современной цивилизации неразрывно связано с развитием техники. Термин техника происходит от древнегреческого *τέχνη* (технэ) – искусство. Термин имел крайне широкое значение, с его помощью обозначалась любая творческая деятельность, как художественная, так и ремесленная, направленная на создание чего-либо, а также сам предмет, который возник в результате этой деятельности.

Один из первых представителей философии техники П. К. Энгельмейер вообще считал технику единственным инструментом социального прогресса [31, с. 34]. Но истоки этого прогресса кроются в специфической форме мышления, зародившейся еще на заре европейской цивилизации.

Более радикальных взглядов придерживался М. Хайдеггер, утверждавший, что техника не является простым инструментом прогресса или формой мысли, она представляет собой особую форму человеческого бытия. Обратившись к истокам изначального архаического смысла «технэ» (*τέχνη*), М. Хайдеггер заключает, что «...техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности... Это область выведения из потаенности, осуществления истины» [29, с. 227]. На первый взгляд, для современного человека, привыкшего использовать все блага цивилизации и технического прогресса как средства удовлетворения своих потребностей, подобное утверждение кажется странным и непонятным. Но в данном случае речь идет не о предмете как таковом, а об особом рода отношении человека к предмету в процессе его творения или взаимодействия, который определял аспект бытия, называемый древними греками как «технэ». Этим отношением определяется специфика технического мышления, воплощенного в образе творца демиурга, и направленность технологического прогресса на создание совершенного предметного бытия человека.

Рассмотрим специфику той формы демиургического мышления, которая была определена бытием техники и зародилась у истоков европейской цивилизации, в Древней Греции. Демиургическое мышление в Древней Греции долгое время имело второстепенный характер, однако впоследствии влияние такого образа мысли становится все более значительным. Особенно сильно эта тенденция проявилась в период расцвета Афинской школы философии, наиболее известными представителями которой были Сократ, Платон и Аристотель. Главным божеством для этих философов, воплощающим вселенскую мудрость, становится Демиург, то есть мастер, ремесленник. Искусство как «технэ» становится средством восхождения человека над обыденным мышлением, к истокам божественной мудрости. В диалогах Платона, главным героем которых часто является его учитель Сократ, всесторонне рассматривается природа мудрости ремесленника. Так, например, в диалоге Алкивиад II Платоновский Сократ заключает, что высшая мудрость состоит не в самом умении, не в том, чтобы быть искусным в конкретном деле, а в том, чтобы знать, как наилучшим способом применить свое искусство, то есть мудрость ремесленника заключается в знании высшего блага [22, с. 125]. Платон в своих диалогах пытается рассмотреть фундаментальные вопросы философии с позиции ремесленника и приходит к выводу, что смысл жизни человека заключается в наилучшем способе ее устройства, то есть сама жизнь

рассматривается как искусство («технэ»), которое человек творит. С этой способностью творить наилучшим образом свою жизнь связывали древнегреческие философы и смысл свободы.

Еще М. Хайдеггер указывал на двойственный характер того пути, по которому идет технический прогресс. Он утверждал, что техника представляет собой способ осуществления истины, но само понятие истины было для него двусмысленно. Он различает истину как *veritas* («веритас») и истину как *ἀλήθεια* («алейтия»). «Алейтия» (*ἀλήθεια*) представляет собой процесс раскрытия бытия сущего, его потаенного смысла. «Веритас» (*veritas*) – это истина, дающая превосходство над чем-либо, это истина власти. В том и в другом случае истина, раскрываемая для человека в бытии техники, ведет его по пути освобождения, но разными способами. Техника в Древней Греции была особой формой духовного и физического бытия человека.

Несомненно, что современное понимание феномена техники отличается от изначального древнегреческого значения. Тем не менее, ряд мыслителей, стоявших у истоков современной философии техники, считали древнегреческий способ осмысления бытия техники особой формой бытия человека, определяющей принципы его духовной и физической реальности наиболее близко к истине (Н. Бердяев, Ф. Дессауер, К. Маркс, М. Хайдеггер и др.) [4, с. 437; 15, с. 33; 29, с. 238; 32, S. 123]. Но на сегодняшний день отсутствует однозначное мнение о роле и смысле свободы в реальности, создаваемой технологическим прогрессом. Некоторые философы-техники считают, что мотив освобождения человека является ключевым в развитии технологий в современной цивилизации (Х. Ортега-и-Гассет, Э. Чиммер, П. К. Энгельмейер и др.) [21, с. 158; 31, с. 25]. Другие мыслители утверждают, что техника поработает человека, отнимая у него свободу и превращая его в некое одномерное существо (Т. Адорно, Г. Маркузе) [1, с. 400-404; 16, с. 324]. Существует и такое мнение, что техника может как поработить человека, так и привести его, при правильном отношении, к более совершенной и свободной форме существования (Р. Арон, Л. Мэмфорд, Ж. Эллюль и др.) [2, с. 225-226; 18, с. 79; 30, с. 147]. Так или иначе, вопрос о смысле свободы, который она приобретает при взаимодействии человека и техники, является одним из ключевых в современной философии.

На наш взгляд, вопрос заключается не в том, ведет ли техника человека к освобождению, а в том, какой путь освобождения выбирает современное техническое мышление, какую именно форму свободы предлагает человеку современная технология.

Как отмечает один из выдающихся философов техники XX века Ж. Эллюль, степень развития техники начинает определяться ее рациональной эффективностью [30, с. 147]. Если речь идет об утилитарной эффективности техники, то, несомненно, техника рассматривается исключительно как средство в достижении каких-либо целей. Но если техника остается для современного общества только средством, если человек пытается в своей деятельности только овладеть ею и миром через нее, то несомненно, что путь своего освобождения он может увидеть только в превосходстве над природой, только в той власти, которую ему дает техника.

Подобного взгляда придерживался философ экзистенциалист К. Ясперс. Он является одним из тех, кто акцентирует внимание на том, что превосходство, даруемое техникой, воплощено в форме власти. То есть превосходство не предполагает разрушение, превосходство означает, с одной стороны, выход из подчинения, а с другой – получение контроля над той реальностью, которую превосходят.

Феноменология предмета техники (τέχνη). Реальность предмета определяют те принципы, по которым он существует и функционирует, в рамках этих принципов он обретает свой смысл. К примеру, произведение художественного искусства обретает реальный смысл только в сфере духовных, ценностных, морально-нравственных или эстетических принципов. При этом неважно, отрицает данный предмет искусства эти законы или воплощает, он теряет свою реальность, свое бытие именно как предмет художественного искусства в тот момент, когда вышеуказанные принципы перестают определять форму его бытия. Искусство прокладывает для человека путь к совершенству, к благу через этическое и эстетическое превосходство над обыденной биологической жизнью. Искусство направляет дух человека в бесконечное путешествие к высшим идеалам или низвергает его в бездну беспредельного хаоса. В том и в другом случае с помощью предмета искусства человек пытается выйти за рамки обыденной жизни и возвыситься над ней, в этом обнаруживает себя феноменологическое ядро и сам смысл его свободы.

Предмет техники обретает смысл и форму в рамках законов, открываемых научной формой познания, и научная парадигма определяет его реальность, его смысл. Предмет техники так же, как и предмет искусства, направлен на преодоление границ индивидуальной природы и жизни человека (биос), но уже не в этическом, а в физиологическом аспекте. Предмет техники предназначен для того, чтобы сделать человека быстрее, умнее, сильнее, чем он есть от природы. Но, в конечном итоге, речь идет не просто о физиологическом, но о физическом превосходстве человека, освобождении его тела, его «фюсис» (φύσις), от собственных естественных законов. То есть если мы говорим, что естественнонаучные законы определяют реальность предмета техники, то феноменология свободы в техническом мышлении обретает смысл в превосходстве над естественнонаучными законами природы. Смысл свободы в современном техническом мышлении есть интенция к превосходству над естественнонаучными законами.

Виртуальная реальность является одной из форм новых информационных технологий. Эта новая форма реальности может быть воплощена в форме виртуальной предметной среды, то есть среды, состоящей из спроектированных с помощью технологических средств, неких автономных (функционирующих по определенным принципам) системных образований, с которыми оператор способен взаимодействовать.

Но что означает превосходство? Превосходство над чем-то не предполагает его обязательное разрушение, превосходство дает власть обращаться с этим чем-то по велению своей воли. То есть если человек превосходит моральные нормы, то он может их менять или оставить по своему желанию. Таким образом, если мы согласимся с тем, что технологический прогресс на протяжении всей истории своего развития был

направлен на превосходство над естественнонаучными законами, то создание виртуального предмета явилось естественной закономерностью этого процесса. Виртуальный предмет также может подчиняться естественнонаучным законам, но уже по велению его творца.

Однако, если предмет искусства превзойдет эстетические и нравственные законы, а предметы техники – законы, открытые естественными науками, то они перестанут быть таковыми, не смогут быть идентифицированы как реальные в своем собственном качестве. Превосходство в данном случае есть интенция, но не свершившийся факт. Вступая в отношение с предметом техники, субъект воспринимает эту интенцию в качестве свободы, свобода, даруемая человеку техникой, воплощается в стремлении к превосходству. Субъект мыслит в этом отношении свободу как возможность превосходства над эстетическими, нравственными или естественнонаучными законами. Исходя из этой логики, если мы признаем, что виртуальный предмет является следующим этапом развития предметов техники («технэ»), то свобода в отношении к этому предмету должна мыслиться в форме превосходства. Но если виртуальный предмет уже превосходит эстетические, нравственные и естественнонаучные границы как сложившийся факт, то на что направлена интенция к превосходству, от чего стремится освободиться субъект в виртуальном мире?

Смысл свободы в пространстве виртуальных предметов техники. В индоевропейской языковой семье корень *vrt* означает событие творимое, порожаемое сейчас [20, с. 19]. Однако не каждое творимое, то есть переходящее из потенции в действительность событие могло быть обозначено таким способом. Например, славянское слово «верти» означает «закипание», «бурление», то есть переход из спокойного состояния к более динамичному. Латинское *virtus* означает переход к более превосходному качеству. Хотя более позднее латинское слово *virtualis* можно перевести как потенциальность или возможность, тем не менее, данный термин обозначает не просто возможность, а возможность некоторого более сильного, динамичного, совершенного, превосходного состояния. Как можно видеть, изначальный смысл термина «виртуальность» уже содержит в себе указание на интенцию к превосходству.

Анализируя работы некоторых современных авторов исследующих феномен виртуальности, можно предположить, что феномен виртуальности не утратил изначальных качеств, на которые указывал обозначающий его термин. Например, А. С. Горинский утверждает, что «стимулированная театрализованная наглядность компьютерного артефакта оказывается сродни “принципиальной ненаблюдаемости” виртуальной частицы в квантовой физике: в обоих случаях дискурс виртуальности осуществляется в категориях исключительного и совершенного, ибо в обоих случаях зазор между понятием и существованием исчезает» [8, с. 26]. Качества исключительности и совершенства близки к изначальному смыслу, заложенному в слове «виртуальность». Они могут составлять смысловое ядро виртуальной реальности, то, что определяет смысл существования виртуального предмета.

Но какого рода превосходство и над чем дает виртуальный предмет, совершеннее и исключительное чего он должен быть? На первый взгляд, уникальной особенностью виртуального предмета становится его превосходство над этическими, эстетическими и естественнонаучными законами. Виртуальные предметы способны нарушать все принципы реальности. Но ни этические или эстетические, ни естественнонаучные законы не определяют реальность виртуального предмета, виртуальный предмет уже их превзошел и уже от них свободен, в отношении к этим факторам реальности виртуальный предмет не может транслировать интенцию к освобождению.

Интенция к превосходству, на примере предметов искусства и техники, направлена на те принципы и законы, которые определяют их реальность. Предмет искусства имеет смысл только в аксиологическом пространстве культуры, а предмет техники – в использовании законов, открываемых естественными науками. Следовательно, если виртуальный предмет является разновидностью предметов техники, как «технэ», то интенция к превосходству должна быть направлена на те факторы, которые определяют его реальность. Что определяет реальность виртуального предмета? Как отмечает Н. А. Носов, виртуальный предмет обладает своим пространством, временем, субстанцией, он может нарушить любые физические параметры [20, с. 33]. Но чтобы быть частью реальности, он должен обладать хоть какой-то временностью, хоть какой-то пространственностью, должен действовать и претерпевать и т.д. Пространство, время, субстанция, действие и претерпевание – это лишь некоторые из базовых категорий человеческого мышления. То есть виртуальный предмет идентифицируется в качестве реального, на основе категорий мышления и в рамках этих категорий определяется его смысл.

Категории – это предельно общие понятия, отражающие фундаментальные процедуры мышления. Поэтому их обобщение под термином «категория» или попытка дать им четкое определение некорректна, их природа понимается крайне интуитивно. Впервые описать все возможные категории попытался Аристотель, назвав десять из них: сущее, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание. Порфирий в комментариях к Аристотелю называл десять выделенных им категорий просто «эти десять», акцентируя внимание на проблематичности их обобщения единым понятием. Многие категории, которые выделялись в последующей философии, так или иначе в различных аспектах сводимы к первым категориям, выделенным Аристотелем.

Можно говорить о категориях как базовых логических формах здравого смысла. Так, например: «В философии Нового времени учение Аристотеля о категориях сохранилось, хотя категории назывались супрапредикатами, универсалиями, предикабиями. Они трактовались как роды сущего и их число оставалось прежним. Ф. Бэкон среди привходящих качеств сущего, или трансценденций, называет такие категории, как большое и малое, подобное и различное, возможное и невозможное, бытие и небытие» [6, с. 202-203]. Декарт и Спиноза говорят о трех категориях – субстанциях, модусах и отношениях. Лейбниц – о пяти общих родах: субстанциях, количествах, качествах, действиях и отношениях [13, с. 10]. «Правда, Гоббс составил свою таблицу категорий, положив в основание категории “тело” и “акциденции” (среди них “количество”, “качество”

и «отношение») и связав категории с группировками и рядами имен, т.е. с результатами акта обозначения. Гейлинкс трактует категории (субстанцию, единство и пр.) как модусы мышления. Д. Юм понимает категории субстанции и причинности как ассоциации, коренящиеся в привычке и вере. Тетенс, Ламберт, Платнер рассматривают категории как способности мышления приписывать вещам объективность...» [19, с. 231]. Если проследить большинство подходов к рассмотрению категорий, то в них можно выделить нечто общее. Все эти подходы к категориям объединяет отношение к ним как к высшим сущностям, производящим реальность или производным от способов постижения реальности мышлением. То есть категории воспринимаются как устойчивые формы сознания или реальности, определяющие логическое бытие субъекта, и, следовательно, можно сказать, что Аристотелевские категории – это классические категории здравого смысла реальности как таковой. Мышление, стремясь определить факт реальности предмета, пытается, в первую очередь, обнаружить у него наличие фундаментальных свойств, описываемых категориями, например, наличие у предмета пространственности, временности, субстанции, отношений с иными предметами и т.д.

Как предметы искусства интенционально направлены на превосходство над духовными границами, этическими и эстетическими, а предметы техники – над физическими границами, так виртуальные предметы направлены на освобождение от логических границ. При этом смысл свободы, транслируемый виртуальным предметом, воплощается в интенции к превосходству над категориальным мышлением. При взаимодействии с каким-либо виртуальным предметом индивид видит смысл свободы в превосходстве над существующим в социуме категориальным логосом.

Заключение. Анализ феномена свободы показывает, что виртуальная реальность представляет собой не только симулятивную, но и самостоятельную форму творческой деятельности, возникшую эволюционным путем в рамках технического мышления. Свободный поступок в пространстве виртуальной реальности может быть осмыслен не только как деятельность, направленная на разрушение существующих устойчивых закономерностей бытия и мышления, но и как творчество, ориентированное на создание новых форм социального логоса, превосходящих старые. Подобный вывод справедлив не только для того, кто творит виртуальную реальность. Сам виртуальный предмет, по своей природе, ориентирует человека на особый способ понимания свободы как превосходства, результатом которого может быть как разрушительная, так и созидательная деятельность. При этом созидательная деятельность в виртуальной среде, главным образом, направлена на область категориального мышления, поэтому развитие виртуальной среды может привести как к разрушению категориального мышления, так и к созданию нового типа логической, превосходящей категориальное мышление, реальности. Результат этого процесса напрямую зависит от специфики ценностного отношения к смыслу свободы в виртуальной реальности.

М. Хайдеггер еще в XX веке утверждал, что «существо современной техники кроется в поставе. Последний повинует миссии раскрытия потаенности», а свобода, в свою очередь, «...эта область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия Тайны» [29, с. 238]. Возможно, и для виртуальной реальности как области технического прогресса эти слова актуальны. Свобода, которую приобретает человек в мире виртуальных предметов, может толкнуть его к стремлению властвовать над реальностью, тем самым ее разрушая, а может направить его по пути раскрытия тайн собственного бытия и созидания истинного логоса жизни. Возможно, сегодня как никогда актуален призыв Хайдеггера к переосмыслению существа техники, к возвращению исконного понимания «технэ» как особой формы раскрытия, развертывания бытия человека, и, возможно, именно виртуальная реальность представляет собой совершенно новый этап подобного раскрытия.

Список источников

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 416 с.
2. Арон Р. Воображаемые марксизмы. М.: Либроком, 2010. 384 с.
3. Батаева Е. В. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 50-70.
4. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 208 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 567 с.
7. Воробьев В. Д., Спироткина А. А. Виртуальная реальность как категория социальной философии, или Что такое виртуальная реальность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2008. № 4 (12). С. 89-95.
8. Горинский А. С. Понятие виртуального бытия: поливариантность эволюции: автореф. дисс. ... к. филос. н. Екатеринбург, 2014. 26 с.
9. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
10. Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 350 с.
11. Камалиева И. Р. Социальные нормы в условиях современных рисков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 73-75.
12. Кант И. Критика практического разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
13. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1893. Т. 1. 686 с.
14. Леушкин Р. В. Виртуальный объект как проблема конструктивного реализма // Фундаментальные исследования. Пенза: Академия естествознания, 2014. № 6-7. С. 1553-1558.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1959. Т. 13. 771 с.
16. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
17. Муратова И. А. Имидж как репрезентация социально-культурных отношений: дисс. ... к. филос. н. Тюмень, 2014. 144 с.

18. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / общ. ред. и сост. В. А. Чаликова. М.: Прогресс, 1991. С. 79-97.
19. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 740 с.
20. Носов Н. А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
21. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 256 с.
22. Платон. Сочинения: в 4-х т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. 632 с.
23. Решенин С. А. Виртуальная личность как актор и элемент социальной структуры виртуальных сетевых сообществ // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 2013. № 1-2 (54). С. 243-248.
24. Сарпова О. В. Духовные и материальные ценности: к проблеме соотношения // Академический вестник. 2013. № 2 (24). С. 243-251.
25. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
26. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука, 2015. 352 с.
27. Стерледева Т. Д. Виртуальная агрессия – следствие взаимодействия человека с электронно-виртуальной реальностью как предметом повышенной опасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. 4. С. 181-184.
28. Хазиева Н. О., Ключина Н. В. Человек виртуальных миров // Вестник экономики, права и социологии. Казань: Информационно-аналитический центр «Эксперт», 2014. № 1. С. 169-172.
29. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
30. Эллиоль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе: сборник статей / отв. ред. и сост. С. П. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 147-163.
31. Энгельмейер П. К. Теория творчества. М.: Либроком, 2010. 208 с.
32. Dessoir F. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung. Bonn: Cohen, 1927. 179 S.
33. Lindenfeld D. F. The Transformation of Positivism: Alexius Meinong and European Thought, 1880-1920. Berkeley: University of California Press, 1980. 360 p.

PHENOMENOLOGY OF FREEDOM IN VIRTUAL REALITY

Luk'yanenko Anton Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
 Tyumen Industrial University
 anton_lukyanenko@bk.ru

The article is devoted to determining specificity of the freedom phenomenon representation in the subject's consciousness at his/her interaction with objects of virtual reality. On the basis of phenomenological research the author argues that the most important characteristic of the freedom phenomenon representation in the human's mind while interacting with virtual reality is intention to prevail not only over natural-science and spiritual laws, but, first and foremost, over principles of categorical thinking. That is the person while interacting with virtual reality considers freedom as a value guideline expressing aspiration for prevalence over the existing social logos.

Key words and phrases: virtual reality; category; prevalence; freedom; phenomenon.

УДК 2:001.12

Философские науки

В статье сделана попытка рассмотреть различные аспекты изучения современной религиозности как одного из важнейших феноменов общественной жизни. Автор подчеркивает, что повышенный интерес к религиозной проблематике объективно обосновывается тем, что современное российское общество находится в поиске нового идеологического фундамента. Приводится операционализация понятий «религия», «религиозность», «духовность», «религиозная вера» и др. В работе проанализированы различные подходы к изучению религиозности и обозначены основные методы ее исследования.

Ключевые слова и фразы: религия; религиозность; духовность; вера; религиозное сознание; критерии религиозности; уровень религиозности.

Магомедова Мадина Зайнудиновна, к. филос. н.
 Региональный центр этнополитических исследований
 Дагестанского научного центра Российской академии наук
 spigow@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ЕЕ ИЗУЧЕНИЮ

Религиозность относится к той сфере жизни общества, интерес к которой был в прошлом, есть на данный момент и будет проявляться в будущем. Варьироваться будет только степень интереса к данному феномену общественной жизни. Всегда либо религиозные верования, либо атеистические представления людей формировали их мировоззрение, жизненный уклад, а следовательно, и духовную картину жизни общества. Рост интереса к религиозной проблематике в настоящее время объективно обосновывается тем, что современное общество находится в поиске новой парадигмы идеологического развития.